ПУШКИНСКИЙ ТЕКСТ В СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОЛОГИИ: НОВЫЕ ПОДХОДЫ К ИНТЕРПРЕТАЦИИ НА ПРИМЕРЕ РОМАНА «ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН»

Абдумуминова Махлиё Окмирза кизи[1], Бегмуратова Сайёра Тахировна[2]
[1]преподаватель ДЖГПУ,
[2]студентка ДЖГПУ 3 курса 721-24 группы

Annotatsiya. *Maqola zamonaviy filologiyada A. S. Pushkin merosini hamda uning «Evgeniy Onegin» she’riy romanini talqin qilishning yangi yondashuvlarini keng qamrovli va fundamental tadqiq etishga bag‘ishlangan. Tadqiqotda klassik tarixiy-adabiy va real sharhlash an’analaridan retseptiv estetika, diskursiv tahlil, narratologiya, liminallik konsepsiyasi, psixopoetika, gender yondashuvlari, intertekstual tarmoqlar hamda raqamli gumanitar fanlar metodlariga o‘tish jarayoni chuqur tahlil qilinadi. Roman matnining ko‘p ovozli (polifonik) tabiatini, muallif, narrator va qahramon munosabatlaridagi murakkab dialektik dinamikani, matn ichidagi yashirin madaniy kodlarni, kitobxon kutuvlari bilan o‘yin mexanizmlarini hamda muallif pozitsiyasining zamonaviy metodologik transformatsiyalar kontekstidagi o‘rnini o‘rganish orqali pushkinshunoslikning zamonaviy ilmiy paradigmasidagi tub burilishlar keng yoritiladi.*

Kalit so‘zlar: *A. S. Pushkin, «Evgeniy Onegin», pushkinshunoslik, matn talqini, narratologiya, liminallik, retseptiv estetika, raqamli metodlar, intertekstuallik, psixopoetika, gender yondashuvi.*

Аннотация. *Статья посвящена детальному, многоаспектному и всестороннему рассмотрению современных филологических и междисциплинарных подходов к исследованию пушкинского наследия на материале бессмертного романа в стихах «Евгений Онегин». В исследовании анализируются глубинные сдвиги в парадигме онегиноведения XXI века: переход от классического историко-литературного, биографического и реального комментария к рецептивной эстетике, дискурсивному анализу, углубленной нарратологии, концепту лиминальности, психопоэтике, гендерным исследованиям и цифровой гуманитаристике. Раскрываются полифоническая природа романа, сложные трансформации субъектной структуры, механизмы игровой поэтики и диалога с читательскими ожиданиями, а также специфика авторской позиции в контексте новейших методологических парадигм мирового литературоведения.*

Ключевые слова: *А. С. Пушкин, «Евгений Онегин», пушкинистика, интерпретация текста, нарратология, лиминальность, рецептивная эстетика, цифровые методы, психопоэтика, полифония, гендерный аспект.*

Annotation. *The article provides a comprehensive, multi-layered, and in-depth examination of modern philological and interdisciplinary approaches to the study of Alexander Pushkin’s literary heritage, focusing on his novel in verse "Eugene Onegin". The study analyzes the fundamental paradigm shifts in 21st-century Pushkin scholarship, tracing the methodological transition from classical historical-literary, biographical, and real commentaries to receptive aesthetics, discourse analysis, advanced narratology, the concept of liminality, psychopoetics, gender studies, and Digital Humanities. It thoroughly explores the polyphonic nature of the novel, the intricate dynamics of the narrative structure, the mechanisms of dialogic interaction*

with the reader's expectations, and the evolution of the authorial stance within the framework of contemporary literary theory.

Keywords: *A. S. Pushkin, "Eugene Onegin", Pushkin studies, text interpretation, narratology, liminality, receptive aesthetics, digital methods, psychopoetics, polyphony, gender studies.*

Творчество А. С. Пушкина, и в особенности его вершинное творение — роман в стихах «Евгений Онегин», традиционно занимает фундаментальное, системообразующее место как в отечественной, так и в мировой филологической науке. На протяжении двух веков это произведение находилось в фокусе исследовательского внимания крупнейших теоретиков литературы. Если классическая пушкинистика XIX и XX веков — опиравшаяся на труды выдающихся ученых, таких как Б. В. Томашевский, Ю. М. Лотман, Н. Л. Бродский, С. А. Фомичев и др. — сформировала мощную каноническую базу историко-биографического, реального, текстологического и историко-литературного комментария, то современная филология XXI века сталкивается с необходимостью переосмысления накопленного багажа в свете новых методологических горизонтов.

Современное литературоведение характеризуется интенсивным междисциплинарным синтезом: оно активно заимствует аналитический инструментарий из культурологии, культурной антропологии, психоанализа, когнитивных наук, лингвопоэтики и информационных технологий. В этих условиях пушкинский текст перестает восприниматься как замкнутый классический канон с раз и навсегда зафиксированной системой идеологических и художественных смыслов. Напротив, «Евгений Онегин» открывается исследователям как бесконечно сложная, динамическая, саморазвивающаяся смыслопорождающая система, обладающая колоссальной латентной энергией и открытостью к перманентной переинтерпретации. Цель настоящей статьи — систематизировать новейшие подходы к интерпретации романа в современном гуманитарном поле.

Классический подход к «Евгению Онегину», блестяще воплощенный в фундаментальном комментарии Ю. М. Лотмана, зиждился на тщательной реконструкции предметно-бытового, социального, философского и литературного контекста русской и европейской жизни 1820-х годов. Такой подход был жизненно необходим для понимания реалистических деталей быта, моды, дуэльного кодекса, философских увлечений эпохи (от байронизма до шеллинизма и раннего гегельянства). Однако современная наука идет дальше простой реконструкции «реалий», обращаясь к внутренним механизмам текстопорождения, то есть к нарратологии и эстетике рецепции (теории «пустот и неопределенностей» И. Изерна и Х. Р. Яусса).

Многоуровневая структура нарратора и проблема «ненадежного повествователя»: В «Евгении Онегине» субъект речи (условно именуемый «Автором») принципиально не совпадает с эмпирическим личностным ясом А. С. Пушкина, хотя постоянно играет с этой автобиографической маской. Повествователь то сближается с героем («Онегин, добрый мой приятель...»), разделяя с ним петербургский дендизм и светскую усталость, то резко дистанцируется от него, осуждая его эгоизм и неспособность к подлинному чувству. Современный нарратологический анализ показывает, как авторская ирония подрывает любые попытки читателя воспринять суждения рассказчика как абсолютную истину. Возникает эффект полифонического объема, где голоса автора, героя, издателя (в

«Отрывках из путешествия Онегина») и даже предполагаемых цензоров вступают в сложнейшую полифоническую игру.

Игровая диалогичность и деконструкция читательских ожиданий: Роман пронизан метатекстуальными элементами. Пушкин не просто рассказывает историю любви и разочарования; он постоянно обнажает литературные приемы, вовлекая читателя в сотворчество. Хрестоматийный пример — знаменитая игра с читательскими ожиданиями на уровне рифм и сюжетных ходов (*«И вот уже трещат морозы / И серебрятся нивы... (Читатель ждет уж рифмы розы; / На, вот возьми ее скорей!)»*). С точки зрения рецептивной эстетики, подобные пассажные «сбои» заставляют реципиента осознать условность литературных штампов романтизма и сентиментализма, подготавливая почву для сугубо реалистического восприятия характеров.

Мотив лиминальности и психопоэтика персонажей. Одним из наиболее плодотворных направлений современной филологии стало привлечение антропологических категорий, в частности концепции лиминальности (пороговости, переходного состояния, разработанной В. Тёрнером), к анализу классической литературы.

Евгений Онегин как лиминальный герой: Онегин на протяжении всего романа застрял в экзистенциальном «междумирье». Он уже порвал с архаичными устоями высшего света и столичной рутиной, но еще не обрел почвы под ногами в деревенской глуши; он отвергает романтические иллюзии Ленского, но не способен предложить взамен никакой созидательной веры. Его путешествие по России и последующее возвращение в петербургский свет — это классический лиминальный кризис (стадия «маргинальности» по обрядовой теории перехода). Онегин внутренне расколот, его столичный сплин — это психосоматическое следствие духовного паралича, а открытый финал романа подчеркивает невозможность для героя найти окончательный выход из этого порогового тупика.

Семиотика пространства и психопоэтика сна Татьяны: Сон Татьяны Лариной (глава 5) традиционно изучался в русле фольклорно-мифологических источников (святочные гадания, медведь как брачный символ и т. д.). Современная психопоэтика видит в нем глубочайший психоаналитический текст, предвосхищающий будущие катастрофы романа. Медведь-спаситель и свирепые чудовища в лесной хижине — это проекция внутреннего испуга юной героини перед лицом взрослой страсти, предчувствие роковой дуэли (где медведь фигурально отражает судьбу Ленского, растерзанного «чудовищами» светской морали и легкомыслия). Сон выступает инструментом моделирования будущего на бессознательном уровне, превращая Татьяну из наивной провинциальной девочки в глубокую, трагически прозревающую натуру.

Гендерные аспекты и эволюция женских образов в романе. В русле современных филологических методологий особое место занимает переосмысление гендерных ролей и стереотипов, заложенных в структуре «Евгения Онегина». Если классическая критика (включая В. Г. Белинского) рассматривала Татьяну Ларину преимущественно как идеал «русской женщины», воплощение национальной нравственности и верности долгу, то современный гендерный и феминистский дискурс предлагает более сложный ракурс оптики. Инверсия ролей в коллизии «герой — героиня»: В начале романа Татьяна выступает активным субъектом чувства, нарушающим викторианские и дворянские приличия эпохи (её знаменитое признание в любви через письмо). Онегин же демонстрирует пассивную, конформистскую позицию, руководствуясь исключительно

светскими условностями и страхом перед общественным мнением («Что скажет княгиня Марья Алексеевна?»). В финальной части романа происходит зеркальная инверсия: Татьяна, ставшая генеральшей и светской львицей, сохраняет внутреннюю свободу при внешнем подчинении этикету, в то время как Онегин превращается в зависимого, одержимого страстью просителя.Трансформация концепта «любовного письма»: Письмо Татьяны к Онегину рассматривается современными исследователями как важнейший прецедентный текст в истории русской литературы, где женский дискурс впервые обретает самостоятельный философский и экзистенциальный статус, свободный от чисто сентиментальной риторики.

«Евгений Онегин» в контексте (цифровой филологии). В последние годы бурный расцвет цифровых гуманитарных наук (Digital Humanities) открыл новые эмпирические горизонты для изучения классических текстов. «Евгений Онегин», обладающий строжайшей метрической организацией (знаменитая «онегинская строфа») и богатейшей ономастической и ассоциативной сетью, стал идеальным полигоном для корпусного анализа:

Сетевой анализ персонажей (Network Analysis): Построение графов социальных связей между героями романа позволяет математически точно измерить степень изоляции главного героя. Онегин в первой и восьмой главах выступает центральным узлом, но связи его носят поверхностный характер, в то время как периферийные персонажи (Ларины, Татьяна, даже Зарецкий) образуют более плотные, устойчивые коммуникативные кластеры, объясняющие прочность традиционного уклада в противовес столичной атомизации.

Корпусный и ритмико-синтаксический анализ строфики: Компьютерное моделирование ритмических вариаций внутри канонической онегинской строфы (состоящей из 14 строк ямбического тетраметра с уникальной схемой рифмовки *AbAbCCddEffGGh*) показывает эволюцию синтаксиса Пушкина. Если в ранних главах преобладают легкие, синтаксически открытые конструкции, переливающиеся из строфы в строфу (анжабеманы), то к финалу романа синтаксис становится более сжатым, афористичным, сухим, что отражает общую трагическую деромантизацию авторского видения.

Метатекстуальность и интертекстуальная паутина романа

«Евгений Онегин» функционирует не просто как замкнутая художественная история, а как грандиозный гипертекст эпохи романтизма, вбирающий в себя цитаты, аллюзии и реминисценции из французской литературы (Вольтер, Шатобриан, Ж. Сталь), английского байронизма, античной классики и русской сатиры XVIII века.

Книжные коды героев: Каждый персонаж романа закодирован определенной читательской матрицей. Онегин сформирован байроническим мифом и столичной библиотекой; Ленский — немецким идеализмом и поэзией Шиллера и Гете; Татьяна — сентиментальными романами Ричардсона и Руссо («Ему казалась по привычке / Неотразимо нужна / Для романа роковая / Диспутовая страсть живая...»). Пушкин выстраивает тончайшую иронию по отношению к тому, как литературные клише деформируют реальное восприятие жизни героями, что приводит к трагедии (дуэль из-за ложных романтических представлений о чести). Современный интертекстуальный анализ позволяет проследить, как деконструкция этих чужих слов формирует уникальный реалистический стиль пушкинского шедевра.

Многоаспектный анализ пушкинского текста в контексте современной филологии убедительно доказывает, что «Евгений Онегин» не исчерпывается хрестоматийными трактовками XIX и XX столетий. Роман представляет собой уникальный полифонический организм, способный чутко откликаться на запросы новейших методологий — от нарратологии, антропологической поэтики и гендерных штудий до цифрового литературоведения. Синтез классической филологической школы с новейшими инструментами интерпретации позволяет увидеть в пушкинском шедевре не просто историко-литературный памятник эпохи романтизма и зарождающегося реализма, а живую, бесконечно открытую смысловую матрицу, определяющую векторы развития всей мировой литературы.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: Комментарий. — Л.: Просвещение, 1980. — 416 с.
2. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 10 т. — Л.: Наука, 1977–1979.
3. Jung, C. G. The Archetypes and the Collective Unconscious. Collected Works of C. G. Jung. Vol. 9, Part 1. New York: Pantheon Books, 1959. https://books.google.com/books?id=C89-AAAAMAAJ
4. Moretti, F. Distant Reading. — London: Verso, 2013. — 254 p.